

«...ЧТО-ТО СКАЗАТЬ ЛЮДЯМ»

*Интервью, начатое шепотом
в гостинице и законченное
в полный голос на Зимнем
стадионе*

ПРИЗНАЮСЬ, я шел к Мирей Матье с некоторым предубеждением. В красочном проспекте французского Мюзик-холла я уже успел посмотреть целую серию ее фотографий: Мирей просто так, Мирей с седеющим господином, Мирей на лугу в ромашках, Мирей с собакой, Мирей в пилотской кабине самолета (!), Мирей на фоне небоскребов. Проспект сообщал, что имя ее сейчас знаменито во всем мире. Кроме того, мне было известно, что у нее есть личный фотограф и нечто вроде телохранителей. Словом, я шел брать интервью у самой что ни на есть настоящей эстрадной звезды Запада — Мирей Матье, 19 лет.

И вот я у нее в «люксе» на третьем этаже «Астории». Маленького роста, тоненькая, ну прямо совсем девочка, в платье яркого-красного цвета, она протянула свою ладошку и тоном воспитанной школьницы произнесла: «Бонжур, месье». Произнесла совсем тихо, а затем вообще стала разговаривать шепотом. Ленинградская погода, оказывается, плохо действует на ее голосовые связки.

И я узнал, что Мирей любит петь о любви, которая приносит человеку и надежду, и радость, и печаль. Что для нее очень важно, чтобы об этих человеческих чувствах было сказано проникновенно, убедительно, взволнованно — так, чтобы она сама могла в них поверить. «Если я не поверю словам песни, то и петь не смогу. Одна музыка, даже самая хорошая, — это мало. Надо ведь и что-то сказать людям». Что она не любит, когда ее пытаются сравнивать с Эдит Пиаф. «Нет, нет, Эдит Пиаф может быть только одна!».

От моего предубеждения очень скоро ничего не осталось. Я даже как-то забыл, что имею дело со звездой. Просто разговаривал со скромной девушкой, серьезно рассуждавшей о том, что, по ее же словам, для нее «любовь на всю жизнь», то есть — о песне.

Вечером я пошел на Зимний стадион. В концерте французского Мюзик-холла Мирей отделилось целиком второе отделение.

Голос у нее, неожиданно для такой маленькой, хрупкой фигурки, оказался низким, сильным и насыщенным (что-то действительно от Эдит Пиаф!). Она пела в микрофон, но никто бы не назвал ее «шептуньей». Ее песня лилась широко, свободно. Песня — ее стихия, и, попав в нее, Мирей быстро освоилась.

Как бы подтверждая сказанное днем в гостинице, она, безусловно, верила в то, о чем пела. Верила в любовь, способную перевернуть весь мир, в счастье с любимым среди простых и веселых людей, в страдание от того, что девушка обманулась в человеке, которого считала самым близким... Поверил и зал. Аплодисменты были дружными. А в конце она ходила по сцене, словно по саду, собирая цветы.

Успех Мирей очевиден. Но, думается, в будущем от нее можно ждать большего. Певица усиленно работает над собой, совершенствует мастерство, пополняет образование, которое в свое время было прервано необходимостью идти работать на фабрику. Надо верить, что расширится и станет содержательнее ее репертуар, богаче гамма чувств, и будут они глубже. Задатки к этому есть. А фото в пилотском кресле или среди небоскребов и вообще рекламная шумиха — это типичная западная мишура, и, хочется надеяться, она не заслонит Мирей от настоящего искусства.

В. БЕЗБРЕЖНЫЙ
Фото О. Бахарева

На снимке: поет Мирей МАТЬЕ.